
Шариков.
Обратная сторона революции
КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА
ДЕЛО
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Сергей Коба
18+

Сергей Коба

ШАРИКОВ ОБРАТНАЯ СТОРОНА РЕВОЛЮЦИИ

https://litres.ru/74725003
SelfPub; 2026

Аннотация

Сатирическая повесть по мотивам «Собачьего сердца» Михаила Булгакова.

Что делать, если тебя превратили из собаки в человека, а потом обратно — но человеческая память, скверный характер и умение материться никуда не исчезли?

Полиграф Полиграфович Шариков снова стал обычным псом. Почти обычным. Теперь он знает о людях слишком много и предпочитает держать своё мнение при себе. Хотя иногда очень хочется послать всех нахер.

Профессор Преображенский мечтает вернуться к спокойной жизни, доктор Борменталь запутывается в опасной любовной истории, а неутомимый Швондер обнаруживает в профессорском эксперименте угрозу государственным интересам.

И только Шарик понимает, что происходит на самом деле.

Чёрная комедия о человеческой глупости, советской бюрократии и собаке, которая оказалась человечнее многих людей.

Ведь самое страшное — не превратиться в собаку. Самое страшное — остаться человеком.

Сергей Коба
ШАРИКОВ ОБРАТНАЯ СТОРОНА РЕВОЛЮЦИИ

СЕРГЕЙ КОБА
ШАРИКОВ
ОБРАТНАЯ СТОРОНА РЕВОЛЮЦИИ

Неофициальное продолжение «Собачьего сердца» Михаила Булгакова
2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРАЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Глава 1. Вот же суки!

Первым делом после обратной операции я обнаружил хвост.

Он лежал возле задних лап, принадлежал лично мне и, если сосредоточиться, вполне слушался. Я поднял его, опустил, снова поднял. Приятнейшее ощущение: обладать частью тела, которая без всяких слов сообщает окружающим, что ты о них думаешь. Пока я числился человеком, приходилось тратить на это неимоверное количество матерных выражений.

Затем обнаружился нос. Не тот бесполезный человече-

ский обрубок, с которым я ходил в ботинках и заведовал очисткой города, а нормальный собачий нос, способный отличать вчерашнюю телятину от сегодняшней, тревогу от похмелья и Швондера от любого другого общественного деятеля на расстоянии целого лестничного пролёта.

Говорить я больше не мог. Зато помнить — мог всё.

Помнил, как именовался Полиграфом Полиграфовичем. Как получил документы, должность и право считать себя лучше тех, кто меня кормил. Помнил Васнецову, которой обещал комнату и свадьбу. Помнил пистолет и лицо доктора Борменталя в ту минуту, когда он этот пистолет у меня отнял. И, к сожалению, помнил каждую дрянь, которую успел наговорить Зине.

По утрам я лежал у профессорского кресла, слушал разговоры и думал. Ничего не отвечать оказалось большим удобством. Профессор говорил, что правительство совершенно утратило представление о причинности, а я мысленно соглашался. На профессорские слова при Швондере приходилось возражать — должность обязывала. Теперь можно было молчать, получать колбасу и сохранять собственное мнение.

Преображенский, впрочем, мой внутренний покой разделял не всегда.

— Иван Арнольдович, — объявил он однажды за завтраком, — опыт завершился неудачей, но одно его последствие несомненно благотворно: этот субъект перестал писать заявления.

Я притворился спящим. Несправедливость! Заявлений я написал всего несколько. Большинство составлял Швондер, а я лишь ставил подпись, причём иногда не там, где он показывал.

— Не исключено, — ответил Борменталь, — что часть приобретённых навыков сохранилась.

— Что же, он по-прежнему способен мыслить как гражданин?

— Мы пока не знаем.

— Дай бог, чтобы не так. У нас и без него граждан достаточно.

В дверь позвонили. Зина пошла открывать. За дверью послышался голос, от которого у меня сама собой поднялась шерсть.

— Из домкома. По вопросу гражданина Шарикова.

Я спрятал морду между лапами.

Вот же суки. Я только начал жить по-человечески — то есть по-собачьи, — а меня уже опять разыскивает общественность.

Глава 2. Жилплощадь с душком

В кабинет вошли Швондер, Вяземская, Пеструхин и Жаровкин. Последний нёс папку обеими руками, словно внутри находился хрупкий государственный переворот.

Швондер поздоровался с профессором таким тоном, каким обычно сообщают о реквизиции самовара.

— По двум вопросам, Филипп Филиппович. Первое —

уточнение жилой площади. Второе — судьба Полиграфа Полиграфовича Шарикова.

— Начните с третьего, — предложил профессор. — Зачем явились в час моего приёма?

— Это общественно значимые вопросы.

— А мои пациенты, надо полагать, общественно незначимы?

Швондер сделал вид, что вопроса не слышал. На стол легла бумага с печатью. В ней сообщалось: Шариков не снят с жилищного учёта, на работу не является, а место его нахождения не установлено.

— Следовательно, — заключил Швондер, — необходимо расследование.

Я почесал ухо. Всё ясно: когда я исчезал с работы человеком, никто не замечал. Стоило стать собакой — немедленно началась забота о трудящемся.

— Он выбыл, — сухо произнёс Преображенский.

— Куда?

— Из того состояния, в котором мешал окружающим.

Вяземская возмутилась:

— Вы недопустимо относитесь к личности советского гражданина!

— Гражданка, — сказал профессор, — к личности этого гражданина я относился недопустимо терпеливо.

Швондер заметил меня возле камина.

— Собака-то прежняя. И кличка, кажется, Шарик?

От него пахло дешёвым табаком, мокрой шерстью шинели и властью над чужими комнатами. Я подошёл обнюхать ботинок. Он не отстранился: счёл, вероятно, что получил поддержку низших слоёв населения.

На этом месте мой организм совершил политический поступок. Я поднял лапу.

— Шарик! — грозно воскликнул профессор.

Поздно. Швондер отскочил, но брюки уже пострадали.

Пеструхин судорожно поискал, куда записать происшествие. Жаровкин раскрыл папку. Вяземская объявила это организованным протестом против домкома, что было почти верно.

— Уберите животное! — крикнул Швондер.

— Оно находится у себя дома, — заметил профессор. — В отличие от некоторых присутствующих.

Борменталь повернулся к окну. По его плечам я понял: смеётся.

— Этот инцидент будет отражён в акте, — заявил Швондер.

— Надеюсь, точно, — ответил Преображенский. — Наука должна знать, чем вызван подобный рефлекс.

Гости ушли. Осталась бумага о розыске исчезнувшего гражданина. Профессор прочитал её ещё раз и вдруг перестал улыбаться.

— Иван Арнольдович, — сказал он, — я опасаюсь не Швондера. Я опасаюсь того, кому он понесёт эту бумагу.

Доктор кивнул. А я впервые подумал, что у прежнего моего имени остались опасные свойства. Собаку оно не обозначало, но подставить под него можно было кого угодно.

Глава 3. Дело кота и борща

В профессорском доме жили люди различных темпераментов. Зина верила, что я исправился; Дарья Петровна считала, что дурной характер не лечится; Фёдор, швейцар, полагал, что всякому существу полагается место, если оно не пачкает лестницу. Последнее мнение после истории со Швондером вызывало у меня некоторые сомнения.

Однажды пациентка оставила у нас на несколько дней рыжего кота. Кот имел отвратительную привычку спать в моём кресле и смотреть на меня, словно уже получил его по ордеру. Я гонял негодяя по комнатам, пока тот не оборвал занавеску. Обвинили, разумеется, меня.

— Вы совершенно неизлечимы, — сказал профессор.

А вы попробуйте вылечить кота от наглости, подумал я.

В тот же день Вяземская с Пеструхиным объявились на кухне с новой проверкой. Их интересовало, не превышает ли профессор разумных норм потребления мяса.

— Кто устанавливает разумную норму? — осведомилась Дарья Петровна.

— Общественный контроль, — ответила Вяземская.

— А готовить он тоже будет?

— Не грубите. Мы должны составить акт.

— Составьте, голубушка, себе щи. Польза будет.

К несчастью, рыжий кот именно в эту минуту добрался до телятины. Я рванул за ним; кот прыгнул на подоконник; Пеструхин наступил мне на хвост; Вяземская отступила на пути Дарьи Петровны, несшей кастрюлю с борщом.

Всякая великая катастрофа состоит из мелких причин. У этой были лапы, хвост, два чиновника и горячая свёкла.

Борщ накрыл проверяющих с поразительной полнотой. Пеструхин стоял красный и молчал. Вяземская кричала, что произошло покушение на представителя общественности. Дарья Петровна требовала возместить стоимость продуктов. Профессор, оглядев картину, посоветовал пострадавшим сметану.

— Это саботаж! — провозгласила Вяземская.

— Нет, — сказала Дарья Петровна, — это первое блюдо.

Проверка закончилась. Наутро, однако, в домкоме появился акт о нападении на комиссию с применением горячих пищевых масс. Его подписали трое свидетелей, которые не видели ничего, кроме пятен на лестнице.

Я удивился. Когда я сам служил заведующим подотделом, документы придумывались примерно так же. Отличие состояло лишь в том, что теперь пострадала не кошка, а капуста.

Глава 4. Пролетарий на четырёх лапах

После истории с борщом я выбрался на улицу. Зина недоглядела за дверью, а у всякой собаки должна существовать свобода передвижения, даже если она не утверждена домкомом.

Весенняя Москва пахла грязным снегом, лошадьми, хлебом и страхом перед дворниками. Я бежал по знакомым дворам, пока не оказался возле учреждения, в котором некогда командовал очисткой города от бездомных животных.

У ворот стояла телега с клетками. В клетках скулили собаки. Рядом курил Ермолкин, мой бывший служащий, человек невысоких принципов и очень длинных рук. Именно он когда-то умудрялся списывать керосин, которого учреждение не получало, и добывать водку, которой учреждению не полагалось.

— Наш Полиграф-то исчез, — сообщил он товарищу. — Сказывают, в заграничные шпионы подался.

— А был начальник неплохой?

— Для нас — хороший. Документы подписывал не читая.

Вот это было обидно. Иногда я всё-таки читал. Особенно если бумага содержала слова «премия» и «добавочное довольствие».

Молодая дворняжка в ближайшей клетке дрожала всем телом. Она посмотрела на меня — и мне вспомнились собственные приказы. Тогда бумага означала норму отлова. Теперь в клетке сидело живое существо, и оно не знало, что такое норма.

Я потянул за крючок дверцы. Железка держалась плохо. Со второго рывка выпала. Дворняжка выскочила; за ней две другие. Ермолкин заорал, второй служащий схватил палку, и вся компания погналась за нами по улице.

На углу Пеструхин, неизвестно зачем проходивший мимо, от испуга выронил портфель и крикнул: «Контрреволюция!» С тех пор я перестал удивляться политическим диагнозам.

Вернувшись домой, я позволил Зине вытереть мне лапы. Профессор пожурил, а Дарья Петровна сунула мне под стол кусок мяса. За всю человеческую жизнь я не совершил столько пользы, сколько за один собачий день; при этом ни удостоверения, ни зарплаты не получил. Несправедливость, конечно, но терпимая.

Вечером Фёдор принёс новость: Швондер ходит по жильцам и расспрашивает о моём человеческом прошлом. Кто-то уже сообщил, будто профессор «ликвидировал» гражданина Шарикова.

— Ликвидировал? — переспросил Борменталь.

— Так и сказали. Какой-то человек из санитарного управления интересовался.

Я поднял голову. От Ермолкина до санитарного управления была одна лестница и две бутылки. Несомненно, моё исчезновение собирались продать подороже.

Глава 5. Невеста исчезнувшего гражданина

Васнецова пришла тихо. Без домкома, акта и общественного поручения. Принесла старенькую сумочку и такую печаль, что её было слышно даже без собачьего носа.

— Я хотела узнать про Полиграфа Полиграфовича, — сказала она профессору.

Преображенский посадил её в кресло. Борменталь подал

воду. Я остался у камина и слушал: мне самому было интересно, что случилось с женихом.

— Он обещал на мне жениться, — призналась Васнецова. — Потом выяснилось, что никакой своей комнаты у него нет. Я рассердилась, а теперь думаю: может, он попал в беду?

Попал, подумал я. *В лучшую из возможных. Снова стал собакой.*

— Боюсь, гражданин Шариков не был подходящим женихом, — осторожно сказал доктор.

— Я знаю. Но он однажды принёс мне яблоко.

Я вспомнил яблоко. Оно лежало в казённой корзине. Принести его труда не стоило. А вот девушка запомнила. От этого почему-то захотелось спрятаться под диван.

Она заплакала. Я подошёл и положил голову ей на колени. Васнецова погладила меня, а потом нахмурилась:

— Какие странные глаза. Как будто он всё понимает.

Профессор и Борменталь переглянулись.

— Шарик очень понятлив, — ответил профессор.

— Шарик? — переспросила она. — И тот был Шариков…

Я решил срочно заняться ухом. В таких случаях естественное поведение помогает больше любого паспорта.

Васнецова ушла, пообещав больше не беспокоить профессора. У дверей она ещё раз погладила меня. Я не смог попросить прощения: вместо слов получился жалкий скулёж.

— Иван Арнольдович, — сказал профессор после её ухода, — мы ведь обсуждали опыт в понятиях медицины. А по-

следствия не исчерпываются медициной.

— Да, Филипп Филиппович.

— Эта девушка полюбила неудачный результат нашей операции. И результат успел сделать ей больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.